Берейшик, Л.В., Новицкая, А.В. Первые студенты исторического факультета: учёба и быт / Л.В. Берейшик, А.В. Новицкая // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2010. — С. 262-270.

Л.В. Берейшик, Л.В. Новицкая

ПЕРВЫЕ СТУДЕНТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА: УЧЕБА И БЫТ

В 1920е — начале 1930х гг. система советского образования была подвергнута ряду педагогических экспериментов. В первые годы советской власти создавалась принципиально новая система исторического образования, основанная на марксистско-ленинской теории. Были отменены ученые степени и звания преподавателей. Из всех категорий педагогического состава оставлялись только две — профессор и преподаватель. Упразднялись все дипломы и свидетельства, отменялись экзамены и прочие формы испытаний во всех учебных заведениях. Преподавание истории в школах было отменено, а для воспитания студентов в духе новой идеологии вводилось преподавание общественных дисциплин. В 1919 г. историко-филологические факультеты университетов были реорганизованы в факультеты общественных наук (ФОНы) с историческими отделениями в составе. Из-за социальных ограничений при наборе ухудшался качественный состав студентов.

В открывшемся в 1921 г. Белорусском государственном университете подготовка гуманитариев велась на факультете общественных наук, деканом которого был Комиссар народного просвещения В. М. Игнатовский. В структуре факультета было создано этнолого-лингвистическое отделение, на которое в первый год работы университета было за числено 86 студентов [27, с. 44]. Ученым советом университета было проведено закрепление профессоров за историческими кафедрами: В. Н. Дьяков — по кафедре истории западноевропейской литературы,

В. Н. Перцев — всеобщей истории, Н. М. Никольский — истории религий, В. А. Жаринов, В. И. Пичета — русской истории, Ф. Ф. Турук — истории Беларуси, С. Г. Лозинский — истории еврейского народа, Н. А. Янчук — этнографии, Д. Н. Кончаловский — всеобщей истории [5, с. 46]. Уже в 1922—1923 гг. ФОН был реорганизован, этнологическое отделение вошло в состав вновь организованного педагогического факультета. [25, с. 358—357]. Его создание было связано с острой нехваткой квалифицированных педагогических кадров в просвещении. В структуре педагогического факультета были социально-историческое и этнолого-лингвистическое отделения [3, с. 40].

В 1920е гг. систематически проводилась организационная пере стройка внутри университета, не было стабильных учебных планов, они ежегодно пересматривались, существенно менялись. Шло сокращение количества общенаучных дисциплин и усиление цикла общественно политических наук. Их содержание напрямую было связано с возможностями профессорско-преподавательского штата. За научно-методическую работу, разработку учебных планов и программ отвечала предметная комиссия по историческим дисциплинам, в состав которой входили профессора и опытные преподаватели, а также представители от студенческих организаций [4, с. 18]. Велся поиск новых методик, форм, принципов организации высшей школы. В первые годы за основу была взята лекционная система преподавания, с 1924 г. — семинарские и лабораторно-практические занятия. Зачетная система проверки знаний подменялась бригадной формой учета успеваемости, при которой знания студентов оценивались всем коллективом группы, а не только преподавателем [4, с. 20]. В конце 1920х гг. были отменены дипломные работы и обязательное посещение лекций. Все перемены не приноси ли

желаемых результатов, знания студентов были невысокими, процветало второгодничество, многие учились по 7—8 лет [29, с. 4—5].

Политические и экономические преобразование в стране в конце 1920х — начале 1930х гг. потребовали надежных и хорошо подготовленных специалистов. В то же время появилась необходимость осмысления новых реалий, понимания причин и сущности перемен, происходящих в советском обществе. Эти изменения неизбежно вызывали новые потребности общества в общественных науках. Кроме этого, в новых исторических условиях, с нарастанием угрозы войны идея интернационализма перестает быть актуальной. Перед общественными науками встает задача воспитания в духе патриотизма граждан страны. В свою очередь, патриотическое воспитание неразрывно связано с осоз-

нанием исторического опыта прошлого, то есть с получением знаний по гражданской истории.

В начале 1930х гг. начали приниматься меры к изменению положения в деле образования, и в том числе в деле исторического образования и исторической науки. Повысились требования к поступающим в университеты, восстанавливается обязательное посещение студентами всех видов университетских занятий — лекций, семинаров, лабораторных занятий; одновременно начинается борьба за введение строгой трудовой дисциплины среди профессорско-преподавательского состава. Постановление ЦИК СССР от 19.09.1932 г. «со всей резкостью и решительностью» осудило бригадно-лабораторный метод и другие «перегибы и извращения» в организации учебного процесса. Изменилась к лучшему организация учебного процесса в университете. Вводились твердые учебные планы, в которых с целью нахождения правильного соотношения теории и практики увеличивалось время на изучение общетеоретических дисциплин, соответственно, сокращались производственные практики, восстанавливалось значение лекций в учебном процессе, вводились зимние и весенние сессии, контроль за качеством учебы, стали обязательными дипломные работы на последнем курсе [6, с. 86].

Поворот в историческом образовании начался с принятия 16 мая 1934 г. постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Это и последующие постановления определили программу дальнейшего развития научно-исследовательской работы в области истории. Истории возвращаются права обычного предмета, в школьные программы вводятся курсы отечественной и все общей истории. Восстановление школьного исторического образования вызвало реформу вузовского, так как школа нуждалась в учительских кадрах. Сначала восстанавливаются исторические факультеты в Ленинградском и Московском университетах, затем реформа затронула другие университеты и педагогические институты, в которых открываются истфаки, призванные готовить высококвалифицированных специалистов, владеющих марксистско-ленинской идеологией [4, с. 168]. Восстанавливаются ученые степени и звания преподавателей. В качестве основного структурного подразделения факультетов становятся кафедры. Тем самым восстанавливалась определенная преемственность с дореволюционным университетским образованием.

Постановлением СНК БССР «О работе Белорусского государственного университета» от 24 мая 1934 г. в БГУ были созданы 5 факультетов, в том числе исторический (до этого в состав университета входило три

факультета естественнонаучного профиля). Вводились вступительные экзамены для всех абитуриентов за курс средней школы, но преимуществом пользовались рабочие и члены

коммунистической партии. Устанавливался 5летний срок обучения. Вступительные экзамены в тот период были одинаковыми для всех вузов и на все факультеты страны.

23 октября 1934 г. в здании Белорусского государственного театра состоялось торжественное открытие исторического факультета БГУ. Декан факультета академик В. К. Щербаков сделал доклад на тему «Кризис буржуазной исторической науки и историческое просвещение в СССР и БССР». Во время торжества с приветственными речами выступили академик С. Я. Вольфсон, Д. Б. Мельцер и др., были получены приветствия от Института истории Всесоюзной академии наук и от группы историков г. Москвы [1, с. 4].

На историческом факультете начали работу кафедры: истории древ него мира и средних веков, новой истории, истории СССР и БССР.

Большое внимание уделялось набору студентов на исторический факультет. Предварительно был проведен целый ряд мероприятий (под готовка студентов на рабочем факультете, разъяснительная работа на предприятиях и объявления в периодической печати), чтобы обеспечить необходимый социальный состав студенчества. В результате вместо предполагаемых 60 человек на факультет были зачислены 66 студентов [23, с. 342]. Согласно материалам периодики, среди первых студентов 20 человек имели рабочее происхождение, 30 — крестьянское. Кроме того, из 66 студентов 31 являлся членом КП(б)Б, 25 — комсомольца ми [8, с. 4]. По профессиональной принадлежности студенты истфака были пропагандистами, инструкторами Районо, учителями, директорами школ, рабочими заводов, колхозниками. Среди первокурсников 12 человек были выпускниками рабочего факультета [23, с. 343—345].

Во второй половине 1930х гг. упор делался на качество образования, а не на наращивание количества студентов. В 1941 г. на факультете училось 260 студентов: на первом курсе — 60, на втором — 43, на третьем — 59, на четвертом курсе обучалось 74 студента, ожидаемый вы пуск — 24 человека. Абсолютное большинство — 216 студентов (или 83 %) были членами и кандидатами ВЛКСМ, 9 человек (3,5 %) состоя ли членами и кандидатами ВКП(б) [19, л. 2—3].

Первые учебные планы и программы истфака разрабатывались на основе опыта Московского и Ленинградского университетов. На 1— 3м курсах они были общими для всех специальностей, с 4го курса составлены по специальностям «История древнего мира», «История сред-

них веков», «История нового времени», «История СССР», «История колониальных и зависимых стран», «История Беларуси».

Планы включали блок общих исторических курсов: историю до классового общества, древнего мира, средних веков, нового времени, историю СССР, Беларуси, историографию и источниковедение. Изучали также курсы этнографии СССР, историческую географию, новую историю колониальных и зависящих стран и др. В программу были включены также общеобразовательные курсы — экономическая география, история литературы, языкознание, педагогика. Достаточно объемным был цикл общественно-политических наук, который состоял из курсов исторического материализма в связи с диаматом, политэкономии, истории социалистических идей, история ВКП(б) и КП(б)Б. Студенты изучали два иностранных языка — немецкий, французский, на которые было отведено по 250—300 часов в год. Кроме этого на 1м и 2м курсах изучалась латынь, на 3—5м — два новых иностранных языка в связи со специальностью (восточный, греческий) [20, л. 13—27].

Экзаменационные ведомости первых сессий показывают, что 33—55 % учились на хорошо и отлично, 25—42 % — удовлетворительно, 2—5 % студентов имели

задолженности лишь по двум курсам: политической экономии и истории средних веков [20, л. 15—16; 21, л. 15].

Кроме лекционных занятий на 1м курсе проводились просеминары, на которых студенты под руководством преподавателя читали и разъясняли отрывки из первоисточников. Накануне они прорабатывали их группами по 5—10 человек и готовили доклад. Таким образом студентов учили использовать в работе исторические источники, осваивать элементарные приемы исторической критики. К семинарским занятиям на 2—5м курсах каждый студент разрабатывал одну тему и представлял по ней письменный доклад, в котором обязательно указывались используемые источники, научная литература и высказывания марксистских классиков по данной теме [23, с. 351—352].

Работа исторического факультета начиналась в сложных условиях: не хватало помещений для занятий и для проживания студентов, учебников, бытовые условия и условия питания студентов оставляли желать лучшего.

В 1934/35 учебном году все новонабранные студенты истфака были обеспечены стипендиями размером 81 и 150 рублей (последняя — для парттысячников) [23, с. 343—345]. Много это было или мало? Возможно, если сравнить покупательную способность этих денег, то немного, но если сопоставить с зарплатами профессорско-преподавательского

состава и обслуживающего персонала, то можно прийти к выводу, что размер стипендии в университете не уступал зарплатам. Так, уборщица в 1935 г. получала 73 рубля, ставка за заведование кафедрой составляла 125 рублей, оклад проректора — 250 рублей, а оклад ректора был 400 рублей [15, л. 63—64]. Это говорит о том, что на материальное обеспечение студенчества, которое должно было составить опору существующей власти, выделялись немалые средства.

С 1 ноября 1937 г. постановлением СНК СССР в целях повышения социальной обеспеченности студентов высших учебных заведений и упорядочения выдачи стипендий был установлен следующий размер ежемесячных стипендий: 1й курс — 130 рублей, 2й — 150 рублей, 3й и 4й курсы — 175, стипендия для 5го курса равнялась 200 рублям. Стипендия назначалась руководителем высшего учебного заведения по дан ным успеваемости студента за предыдущий год [24, с. 2].

В 1930е гг. университет остро нуждался в студенческих общежитиях. Для этих целей были приспособлены помещения цокольного этажа главного корпуса, а также бараки на Студенческой улице за железнодорожным вокзалом. В 1934 г. в 24 комнатах общежития в главном корпусе, общей площадью 768 м2, проживало 207 студентов всех факультетов. Таким образом, на каждого студента приходилось 3,7 м2 жилой площади. В акте обследования жилых помещений того времени зафиксированы серьезные антисанитарные условия: теснота, скученность (некоторым студентам приходилось спать по двое на одной кровати), спертый воздух и отсутствие постельных принадлежностей у многих студентов. Спертый воздух объяснялся тем, что студенты боялись открывать форточки, через которые могли залезть воры. В том же 1934 г. у студента Еленсона через форточку украли портфель и костюм [12, л. 22—24]. В бараках по ул. Студенческой (бывш. Борисовской) жили студенты педагогического, медицинского институтов, БГУ, учащиеся ряда техникумов, а также рабочие города Минска [11, с. 3]. Что же представляли собой бараки? Это были одноэтажные деревянные корпуса, крытые толем и обитые с двух сторон досками. Длина бараков составляла 56,3 м, ширина — 12,7 м, высота их достигала почти 3 м. Отапливались они голландскими печами, имели электрическое освещение, а вот водопровод и канализация отсутствовали [13, л. 273]. В одном бара ке проживало от 115 до 150 человек [13, л. 53].

В связи с увеличением количества студентов осенью 1934 г. проблема условий проживания в бараках стала особенно острой. На страницах периодических изданий появилась масса жалоб от студентов, в том

числе и исторического факультета, на плохие бытовые условия. Тогда же бараки посетил и Нарком просвещения БССР А. А. Чернушевич. 30 октября 1934 г. комиссия в составе заместителей деканов химического, биологического и исторического факультетов, а также представителя от Исполбюро Пролетстуда провела осмотр общежитий. В результате было выявлено, что они имеют массу недостатков, особенно бараки по ул. Студенческой: «в комнате № 1 на печи имеются подтеки от дождя», «в комнате № 8 на потолке плесень. Студенты показывали чемоданы, покрытые плесенью от влажности. Плита, которой пользуются ежедневно, поржавела от влажности и пришла в негодность». Кроме того, комиссия выявила, что у многих студентов отсутствуют постельные принадлежности: наволочки, простыни и одеяла, а также вешалки, из-за чего студенты вбивали гвозди в стену и вешали на них одежду. Комиссия также рекомендовала провести ряд мероприятий по улучшению быта студентов [12, л. 22—24]. Письма с жалобами на плохие бытовые условия в общежитиях по ул. Студенческой продолжали поступать на протяжении всех 1930х гг. [7, с. 3; 9, с. 3; 26, с. 4].

Плохие санитарно-бытовые условия проживания в общежитиях во многом зависели от низкого уровня бытовой культуры обучающихся. В ноябре 1934 г. ректором университета были утверждены новые правила распорядка жизни в студенческих общежитиях. В них отразились основные недостатки студенческого быта, подробнейшим образом излагались требования по соблюдению элементарных санитарных норм, которые сегодня воспринимаются как не имеющие значения, но тогда они составляли большую проблему. Например, студентам запрещалось «курить в комнатах, бросать окурки и плевать на пол, …ложиться на постели в обуви и верхней одежде, …хранить под кроватью или в кровати, под матрасом грязное белье, …выливать воду на пол». Каждый студент должен был раз в неделю проводить полную уборку своей постели (выбивать на улице матрас, одеяло, менять белье» и не менее одного раза в десять дней посещать баню [14, л. 35—37]. Обязательным для всех студентов был поход в баню накануне праздника Октябрьской революции [14, л. 40] (До этого студенты получали талоны в баню один или два раза в месяц) [2, л. 17].

Неотъемлемой частью организации студенческого питания является столовая. Студенческая столовая БГУ находилась по ул. Комсомольской, 8, к сожалению, она имела ряд крупных недостатков, характерных для рассматриваемого периода [17, л. 8]. В октябре 1934 г. комиссия в составе заместителей деканов химического, биологического и ис-

торического факультетов обследовала данную столовую. Результаты об следования оказались неутешительными (притом, что предыдущий ремонт осуществлялся 2 года назад): «Кухня и прилегающие к ней помещения по трухлявости своих стен, штукатурки и обоев являются анти санитарными», также комиссия отметила низкую калорийность и вкусовые качества обедов: «На 1300 обедов (первые и другие блюда) вложено всего 10 кг маргарина, обед невкусный. Есть жалобы студентов на нечистую картошку в блюдах» [12, л. 22—24].

В последующее время условия приготовления пищи и ее качество не улучшились, о чем свидетельствуют результаты рейда бригады газеты «Звязда» в начале 1935 г. Здесь

мы снова находим замечания по поводу грязных столов и посуды, а также низкой калорийности пищи [28, с. 4].

В феврале 1935 г. в Минске было закрыто 13 студенческих столовых, находящихся в ведомости высших учебных заведений, в том числе была закрыта столовая БГУ. Около 6000 студентов различных вузов и техникумов питались в одной фабрике-кухне, рассчитанной на 530 мест [10, с. 4]. В связи с этим Белорусским государственным университетом по договоренности с фабрикой-кухней было установлено четкое время обеда для каждого факультета. Вне этого времени обеды не отпускались [16, л. 127].

И только постановлением ЦК КП(б)Б от 12.01.1938 г. студенческие столовые должны были быть открыты [10, с. 4].

Таким образом, организация учебного процесса, материальное обеспечение, бытовые условия и условия питания студентов исторического факультета БГУ, с одной стороны, были частью большого айсберга и видимым проявлением государственной политики в области высшего образования. С другой стороны, они являлись частью материальных и бытовых условий, в которых жило население Беларуси и всего Советского Союза в середине и второй половине 1930х гг., а с третьей — это составная общей студенческой культуры и определенного образа жизни, характерного для всех поколений студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адкрыццё гістарычнага факультэта // Савецкая Беларусь. 1934. 24 кастр. С. 4.

2. Бяз ружовых акуляраў // Шлях студэнцтва. 1927—1928. № 4—5. С. 17.

3. Белорусский государственный университет за 1921/22 акад. год / сост. С. З. Ка ценбогин. Минск : Гос. издво Белоруссии, 1922. 40 с.

4. Белорусский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени В. И. Ленина / редкол.: А. Н. Севченко [и др.]. Минск : Издво БГУ имени В. И. Ле нина, 1971. 319 с.

5. Высшая школа. Белорусский государственный университет // Вестн. Нар. Ком. Просв. 1921. № 1. С. 45—47.

6. Директивы ЦК ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании, 1917—1947 гг.: сб. док. М.; Л., 1947. Вып. 2. 316 с.

7. Інтэрнаты для студэнтаў // Звязда. 1935. 14 ліст. С. 3;

8. Итоги комплектования ВУЗов и техникумов Минска // Рабочий. 1934. 3 сент. С. 4.

9. Кто хозяин дома? // Советская Белоруссия. 1938. 8 авг. С. 3.

10. Левін, І. Яшчэ раз аб грамадскім харчаванні студэнтаў (Пісьмо студэнта) / І. Левін // Звязда. 1938. 4 кастр. С. 4.

11. Мельцер. «Не входит в мои функции» (Письмо директора ВПИ) / Мельцер // Рабочий. 1934. 20 окт. С. 3.

12. Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Фонд 205. Оп. 1. Д. 539. Приказы ректора и акты обследования общежитий и студенческой столовой. 1932— 1935 гг.

13. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 572. Переписка с Наркомпросом, Наркомторгом БССР, Минским горсоветом, гортопом и другими учреждениями по жилищнохозяйственным вопросам. 1932—1933 гг.

14. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 614. Приказы Наркомпроса БССР и ректора универси тета по личному составу и студенческим делам. 1934 г.

15. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 618. Приказы ректора по личному составу и студенчес ким делам. 1934—1935 гг.

16. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 619. Приказы ректора по личному составу и студенчес ким делам. 1934—1935 гг.

17. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 636. Отчет о работе университета за 1935/36 уч. г.

18. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 684. Статистические сведения о студентах за 1936/37 уч. г.

19. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 747. Статистические сведения о составе и движении студентов за 1940 г.

20. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 1316а. Исторический факультет. Учебный план фа культета, планы работы аспирантов и тематика научноисследовательской работы сту дентов за 1934/35 уч. г.

21. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 1318. Экзаменационные ведомости студентов 1 курса за 1934/35 уч. г.

22. НАРБ. Фонд 205. Оп. 1. Д. 1324. Экзаменационные ведомости студентов 1—3 курсов за 1936/39 уч. г.

23. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны універсітэт. 1921—1941 / склад. С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі; рэдкал.: В. І. Стражаў (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2006. 238 с.

24. Постановление СНК СССР «О повышении стипендий студентам ВУЗов» // Со ветская Белоруссия. 1937. 14 нояб. С. 2.

25. Учебный план педагогического факультета на 1922/23 акад. год // Труды Белорус. гос. унта в Минске. Минск : Гос. издво Белоруссии, 1922. С. 357.

26. Фралоў, Р. Стварыць савецкаму студэнцтву ўмовы для паспяховай вучобы / Р. Фра лоў // Звязда. 1934. 26 ліст. С. 4.

27. Хроника // Вестн. Нар. Ком. Просв. ССРБ. 1922 г. Окт. — нояб. С. 39—49.

28. Эрынбург, М. Прывесці ў парадак студэнцкія сталовыя / М. Эрынбург, М. Чарняк, М. Мінковіч // Звязда. 1935. 9 студз. С. 4.

29. Яноўскі, А. А. У пошуках аптымальных методык выкладання (з гісторыі арганіза цыі вучэбнага працэсу ў БДУ ў 1920—1930я гады) / А. А. Яноўскі // Гісторыя: праблемы выкладання. 2006. № 10. С. 3—12.